

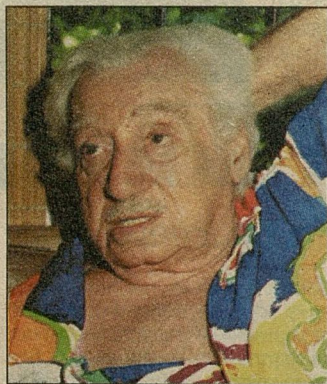
Фазендейро в русской шубе

Жоржи Амаду умер за три дня до своего 89-летия

Обычая гурты. — 2001.
— 9-Вавр. — с. 9

Патриарх латиноамериканской литературы, автор 30 романов, среди которых ранний — «Капитаны песка», зрелые — «Габриэла», «Лавка чудес», «Донна Флор и два ее мужа» и последний, вышедший на русском языке автобиографический роман «Каботажное плавание». Амаду был национальным героем в своей стране и большим другом СССР. В молодости — искренний коммунист, описывающий борьбу трудящихся за свои права, в зрелые годы Амаду стал основоположником чисто латиноамериканского литературного направления, получившего название «магический реализм». Он описывал свою родину, Баию, с ее тропической экзотикой, африканскими корнями, народными традициями и магическими ритуалами. Филолог **Вера КУТЕЙЩИКОВА**, одна из тех, кому мы обязаны открытием латиноамериканской литературы, дружила с Амаду больше 40 лет. Впервые они встретились в 50-м на Конгрессе сторонников мира.

— Тогда на русский язык были переведены только две его книги. Первое, что сказал мне Жоржи, было: «А я уже слышал о тебе от Пабло» (имелся в виду Неруда). Эта фраза меня окрылила. Тогда-то я и почувствовала приуший ему талант дружбы, быть может, не

РЕЙТЕР

менее могучий, чем его талант художника. Про Амаду не скажешь, что он был благовоспитанным — просто он был открыт для всех.

Москва, декабрь 1954 года. Жоржи приезжает на Второй съезд писателей. Ему — 42, именно тогда Эренбург увидел в нем сходство с «одесским или марсельским жуликом». Стройный, улыбчивый, рядом — жена Зелия. Он — черноволос, с горячими глазами, она — нежнолицая блондинка с ясным взором (спустя 40 лет Жоржи посвятит ей свою автобиографическую книгу «Каботажное плавание»: «Зелия — возлюбленной и сообщнице»). С середины 40-х до середины 50-х главная тема писем Амаду — забота о бразильцах — борцах за мир, приезжавших в СССР. У меня хранится

мятый конверт из 55-го, где на адресе всего два слова: Вера, ВОКС (я тогда работала во Всесоюзном Обществе культурных связей с заграницией). В конверте — записка с просьбой позаботиться о бразильцах. Мне запомнилась черная москошвеевская шуба с котиковым воротником, купленная на полученный здесь гонорар. Потом эта шуба кочевала сюда и обратно на разных плечах: бразильцам нелегко в наши морозы.

В середине 50-х Амаду переживает духовный кризис, связанный с крахом питавших его прежде коммунистических иллюзий. В этом он был не одинок. Пабло Неруда вспоминал: «Некоторые из нас, преодолев душевную смуту, почувствовали, что рождаются заново». Именно это и произошло с Амаду, который, начиная с романа «Габриэла», пишет совершенно по-новому. А с 62-го отчаянный ниспровергатель всех традиций, певец баиянского плебса отныне входил в круг членов национальной Академии. Его торжественная речь — «Народ вскормил меня своей мудростью, и если я что-то сделал, то этим обязан народу», — звучит не как трибунное слово, а как искреннее чувство благодарности. Невозможно читать равнодушно рассказ Амаду о том, как провожали его на торжественную церемонию сородичи баиянцы, приготовившие ему мундир, рас-

шитый «золотом деревьев какао», что произрастает в Баие, и «золотом людской дружбы».

Последняя по времени фотография Жоржи Амаду в моем архиве датируется 1972 годом. Она — цветная, сделана Зелией. Жоржи сидит задумчивый на балконе, загорелое лицо со следами морщин, серебристая седина создает контраст красному цвету майки. В письме он пишет, что работает над новым романом. Но главные новости — это появление внуков. «У нас их уже двое. Что же касается меня, то и я пытаюсь родить «Терезу Батисту», женщину весьма отважную и смелую». Летом 80-го из Салвадора пришел пакет с книгой... Зелия. Амаду написал к ней предисловие, сочувствие и нежность которого совсем не вязались с тем, что, с шутиливой серьезностью, любил повторять Амаду много лет назад: «Да, я — революционер, но в семье своей я — феодал, фазендейро!»

Самое невероятное — то, что дружеская нить, связывающая меня с Жоржи, никогда не обрывалась. Для меня это и чудо, и счастье.

Отдавший свои силы идеалам коммунизма Человек, сквозь которого прошел крах иллюзий.

Избранные места из писем Жоржи Амаду в Россию читайте в ближайших номерах «ОГ»